

Н. ГРЕБНЕВ

**НАШИ
МЕНЬШИЕ
БРАТЯ**

Н. ГРЕБНЕВ

НАШИ МЕНЬШИЕ БРАТЯ

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1975

ЧИТАТЕЛЯМ

Небольшие бесхитростные рассказы, которые вы прочтете в этой книге, ребята, познакомят вас с отдельными интересными моментами из жизни животных, помогут вам ближе узнать и полюбить птиц и зверушек — «братьев наших меньших».

Напишите нам, что вам в книге наиболее понравилось, любите ли вы природу, птиц, зверей и животных и приходилось ли вам самим подмечать за ними что-нибудь интересное. Пишите по адресу: г. Казань, ул. Баумана, 19. Татарское книжное издательство, редакция юношеско-детской литературы.

Художник П. Григорьев

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Г 0762—134 151—75
М132(03)—75

© Татарское книжное издательство, 1975.

КУНИЦА-ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА

Я пробирался по тропинке осторожно, без шума, чтобы не растревожить лесных обитателей. У них ведь всегда ушки на макушке: хрустнул у вас сучок под ногой, чуть-чуть, а для них сигнал: осторожно! в лесу чужой! И сотни блестящих глазок уже следят, сотни чутких ушек уже слушают: враг это или друг? А вам кажется, что лес совсем пустой, никого живого в нем и нет.

До чего же красив осенний лес! Березы и осины в золотые наряды нарядились. Закраснелись листья рябины, боярышника. Как цветами они украшены гроздьями спелых ягод. Расцвели по-осеннему и кусты ядовитой волчьей ягоды. А маленькие паучки-путешественники весь лес украсили серебряной паутиной.

И вдруг в тишине леса раздался пронзительный визг. Значит, что-то случилось, да такое, что и об осто-

рожности кто-то забыл. Скорее туда! Ну и диво: на высокой сухой березе куница-мать, схватив за шиворот, сердито трепала маленького куничонка, а тот, взъерошенный, болтал в воздухе лапками и вопил на весь лес от боли и обиды. Другой куничонок, тоже взъерошенный, прижался к стволу и молча со страхом следил за происходящим. Вся семейка была так увлечена, что я подобрался к самой березе: в лесу живу, а такое впервые вижу.

Наконец провинившемуся малышу удалось спастись от зубов матери, и он стремглав кинулся наутек. Куничонок словно летел с ветки на ветку, с дерева на дерево, и скоро его визг, точно плач обиженного ребенка, затих вдали.

Мать, все еще сердито урча, взглянула вниз и тут заметила меня. Миг — и она исчезла с такой же быстротой, но в другом направлении. Другой куничонок бросился за ней.

Вот ведь как бывает в лесу: опоздал — и только конец увидел. А что было вначале? За что мать учила сына? Так и не узнал. Может быть, кто-нибудь из вас, ребятки, окажется счастливее меня?

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Я рукой отстранил ветку кустарника, чтобы сойти с тропинки, и остановился: под веткой ковер из вялой травы и опавших листьев, но откуда на нем блестят две темные бусинки? Блестят, не шевелятся. Это вальдшнеп, лесной кулик.

Спинка птицы вся в коричневых разводах, не отличишь от земли и жухлой травы. Птица сидит смирно. Только бусинки глаз ее и выдали: большие, выпуклые, как у всех, кто ведет сумеречный образ жизни.

Я понял: даже страх не заставил мать бросить гнездо. Гнездо вальдшнепа не хитрое — просто ямка, устланная травой. Но в нем лежат четыре яйца, и за них она готова пожертвовать жизнью.

— Сиди, сиди, вальдшнепушка, — сказал я и осторожно опустил ветку. — Сойти с тропинки я могу и в другом месте.

Так мы с вальдшнепушкой подружились. Каждый день, проходя по лесу, я заглядывал под знакомую ветку и говорил ласково: — Здравствуй, вальдшнепушка, как дела? — И всякий раз птица прислушивалась к моему голосу, склонив набок голову с длинным тонким клювом. Разговора не получалось. Но мне казалось, что черные выпуклые глаза смотрят на меня уже не с таким страхом, как в первый день.

Однажды я поднял ветку и остановился пораженный: от ближайшего муравейника двигался ручеек из проворных рыжих муравьев. Ручеек обтекал гнездо, в котором по-прежнему неподвижно сидела птица, покрытая муравьями. Она уже совершенно обессилела от бесчисленных укусов и не сопротивлялась, когда я взял ее в руки. Перышком, валявшимся около гнезда, я сбросил с нее муравьев, очистил и гнездо и перенес его в безопасное место. Затем осторожно открыл клюв бедной птицы и заставил ее проглотить несколько вкусных червяков.

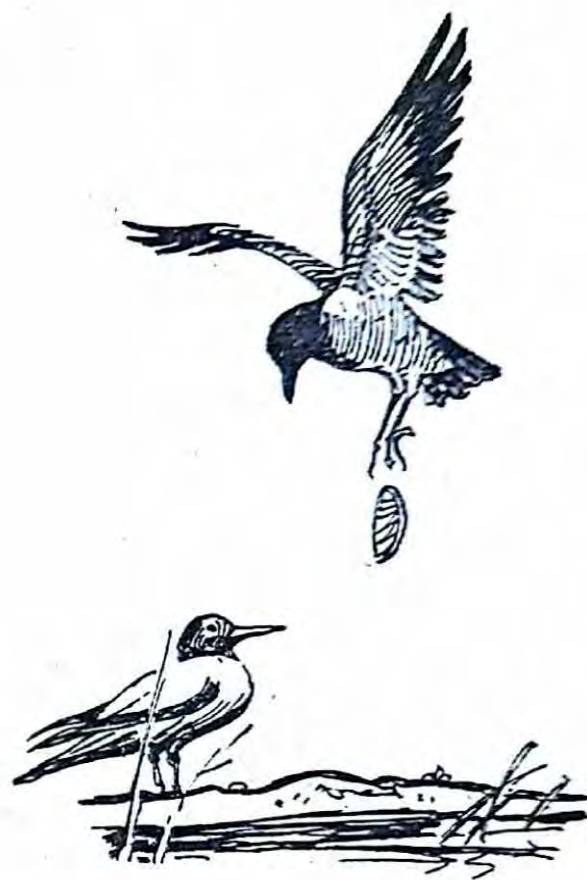
— Все! Отдыхай, вальдшнепушка, — сказал я, а она, ослабев, опустила голову на край гнезда и даже не посмотрела в мою сторону.

На другой день я поторопился прийти пораньше: не терпелось узнать, как себя чувствует моя приятельница.

Но что это? В гнезде... лежали пустые скорлупки, а в стороне от него среди травы на секунду показались пуховички — крохотные пушистые шарики с темными продольными полосками на спине.

— Доброго утра тебе, вальдшнепушка, и вам, вальдшнепятики...

ВОРОНА УРОКА НЕ ДОУЧИЛА

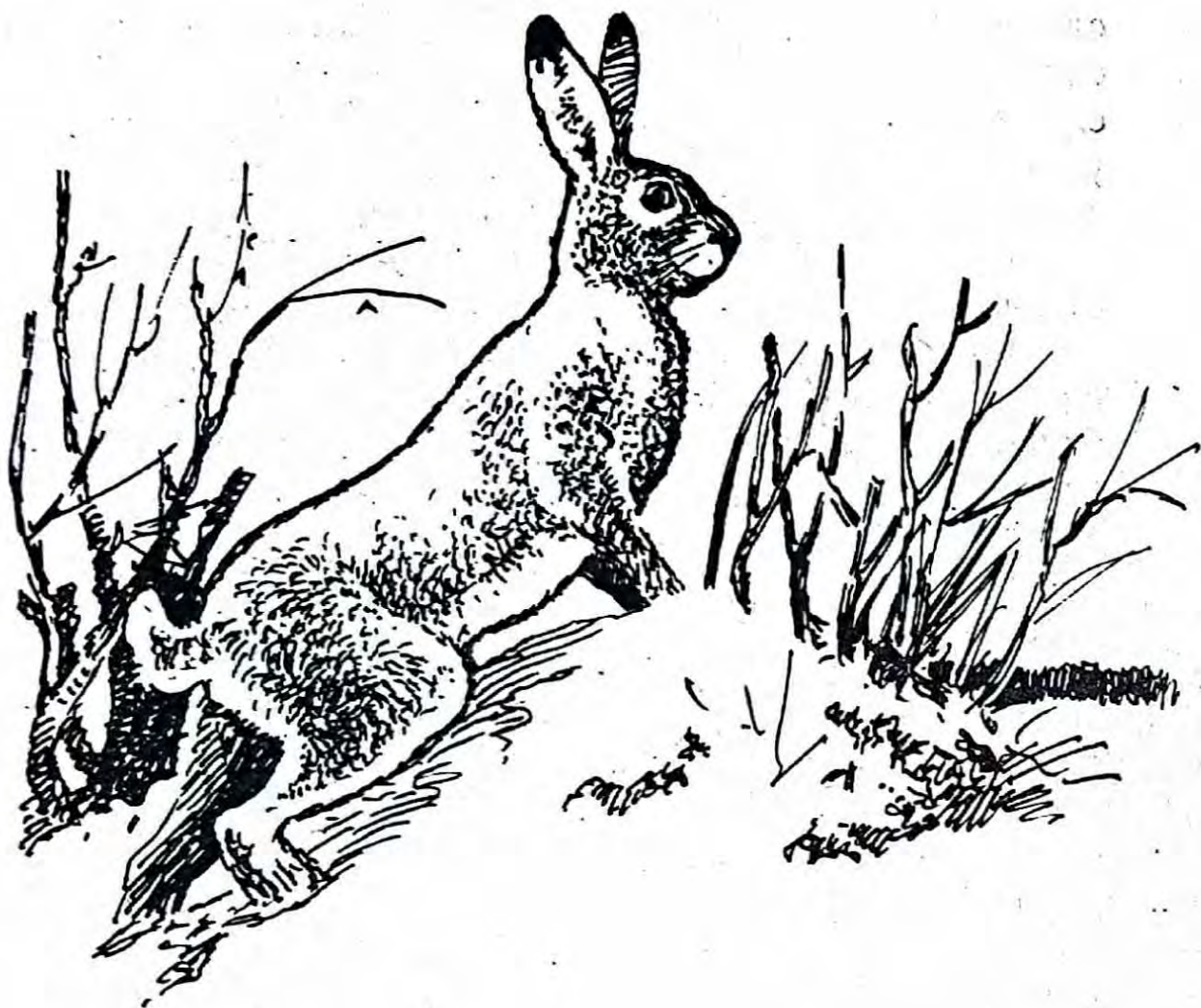
Солнце печет нещадно, слепит глаза, отражаясь в речной глади. Глаза устали от блеска, но я стою и люблю Волгой, ее зелеными островками.

А вот на песчаной косе ворона. Что это она делает? Взлетела вверх, а в лапах что-то держит. Разжала когти — что-то мелькнуло в воздухе, и за ним стремительно падает, летит вниз ворона.

Теперь вижу: упала беззубка, крупная раковина. Ворона стоит над ней, голова набок. Одним, другим глазом посмотрела и опять хватить раковину в лапы. Взлетела — бросила, взлетела — бросила. Раковина так и мелькает в воздухе, мягко падает на песок...

Такую воронью игру с беззубкой мне случалось видеть и раньше. Но те вороны, взлетев с раковиной в лапах, бросали ее на камни. Раковина разбивалась, ворона без труда добиралась до вкусного мяса. А эта ворона, можно сказать, урока не доучила: бросать раковину умеет, а на камень нацелиться не догадалась.

Оказывается, и воронья жизнь не простая: много знать нужно.

КАК ЗАЙЦА ГЛАЗА И УШИ ОБМАНУЛИ

Наступила весна. Снег еще не весь растаял, деревья, кустики еще не проснулись, стоят без листьев, далеко сквозь них видно. Смотрю — заяц по своим заячьим делам куда-то направляется. Не торопится. Смешно за ним наблюдать: задние лапы длиннющие, он их далеко вперед закидывает, так что следы от передних лап позади задних остаются. Качнется вперед-назад, вперед-назад. Как кресло-качалка.

Я стою не шевелюсь.

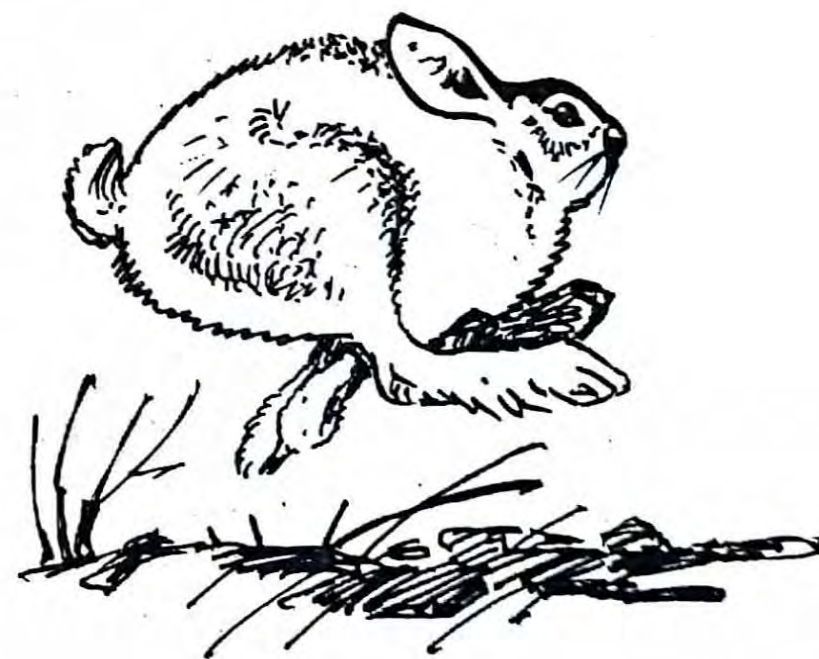
Сделав полукруг по чистому месту, он вдруг замер, прижавшись к земле: видно учуял запах моего

следа. Потом, по-собачьи принюхиваясь, сунулся по следу в одну, в другую сторону: надо срочно разобраться—кто и куда прошел? От напряжения у зайца даже уши опустились, а до того стояли торчком. Значит сейчас у него не уши работают, а только чутье.

Принюхался заяц, поднялся на задние лапы столбиком и снова наострил длинные уши. Теперь он прислушивался: нет ли где постороннего подозрительного шороха? Слух у зайца отличный, а вот зрение не особенно важное: ведь я притаился всего в двадцати шагах от него, в редком кустарнике, а он меня так и не разглядел. На этот раз, правда, не помогли зайцу и чуткие уши: уж очень я постарался не шелохнуться, чуть дышал.

Наконец, убедившись, что опасность ему ниоткуда не угрожает, заяц сделал большой прыжок, перемахнул через мой след, как через какую-то невидимую преграду, и снова, не торопясь, двинулся дальше, высоко подкидывая лапы: вперед-назад, вперед-назад.

Обманули зайца глаза и длинные уши. Хорошо, что в кустарнике стоял и на него любовался я, а не кумушка лиса.

ХОЗЯИН КОСОГОРА

В утреннем свежем и прозрачном, как льдинка, весеннем воздухе вдруг прогремел выстрел, спугнувший его чуткий, сторожкий сон. Позевывая и потягиваясь, он выглянул из густой сосновой посадки, тянувшейся вдоль косогора. Здесь он отдыхал после ночной охоты.

Взъерошенный, с темно-бурыми комками невылинявшей шерсти на тощих боках и реденьким, жидень-

ким хвостом, старый лисовин был далеко не привлекателен, но весь его вид говорил: это кто посмел нарушить мой покой?

По неписаным законам животного мира, каждый зверь имеет свой участок, свято охраняемый. Эти права соблюдают и уважают даже более сильные звери.

Как видно, это были его места, и тут он признавал право только за собой.

Я стоял неподвижно, с интересом ждал: что будет дальше?

А лисовин еще больше напыжился, шерсть на загривке у него поднялась дыбом, он оскалился и вдруг, угрожающе урча, двинулся на меня, правда так, чтобы пугнуть, но подойти не очень близко.

Я подивился его храбрости и, пятясь, стал отходить, а он еще долго провожал меня, двигаясь по бугру, и иногда отрывисто взлаивал, как это делают собаки, выгоняя чужака, пока я не покинул его владений. Лис другого лиса на своем участке не потерпит, драки не миновать. Но чтобы лис осмелился так человеку угрожать — с этим я столкнулся впервые. Видно, не только у людей, но и у зверей характеры бывают разные.

ЛЕСНАЯ ГРАМОТА

С вечера лениво, неторопливо падал снег, обновляя белизну, покрывая землю. Пухлыми шапками лег он на деревья и крыши домов маленького лесного поселка. Первые лучи солнца с трудом пробиваются сквозь березняк, искрятся дорогами самоцветами в каждой льдинке.

Нас двое. Далеко тянется след, оставляемый нашими лыжами, и на каждом шагу зимний лес раскрывает перед нами свои тайны.

Вот снег, как пуховое стеганое одеяло, прошит машинной строчкой — лисьими следами. Кумушка везде побывала раньше нас, но, как видно, пока ничем позавтракать не успела.

Много замысловатых петель на снегу оставили за ночь зайцы-беляки. Еще бы, на опушке лежат подрубленные осинки и солонцы приготовлены. Это мы, работники леса, заранее позаботились о зайцах и о лосях, устроили им столовую. Лесные великаны от нашего угощения не отказываются. По следам читаем: вдоль опушки их прошло около десятка, с аппетитом позавтракали осиновыми ветками и корой...

Но что это? Под высоким развесистым дубом на снегу глубокие вмятины, а по сторонам отпечатки больших крыльев. Это глухари к дубу наведывались полакомиться желудями, укрытыми под снегом. Тяжелые, грузные птицы передвигались по рыхлому снегу с трудом, проваливались и помогали себе крыльями.

Свежий снег — открытая книга для опытного следопыта. И до чего же интересно ее читать!

Идем дальше. А вот за поворотом, около просеки, новая страница книги: тут незадолго до нашего прихода разыгралась лесная трагедия.

На закапанном кровью снегу, на утоптанной площадке остатки заячьей тушки и рядом ход под снег — следы выдали разбойника: это куница. Редкий случай. Куница обычно ловит дичь послабее: мышевидных грызунов, не откажется она и

от белки, но на зайцев нападает редко, не так просто догнать и осилить взрослого зайца, он и крупнее ее и сильнее.

Борьба была упорная: заяц, спасаясь от врага, бежал по большому кругу, глубоко проваливаясь в пушистом снегу. Куница преследовала его по более короткому пути внутри круга, она легче зайца и проваливалась в снег меньше. Заяц скоро устал. Конец наступил быстро.

Мы внимательно осмотрели место: выходных следов на снегу не было, поверху куница также уйти не могла — деревья здесь стоят не тесно, с одного на другое даже ловкому зверьку не допрыгнуть. Ясно: куница утомлена охотой, обильной едой и притаилась где-нибудь поблизости под толщей снега.

Мы сняли лыжи. Один стал оттапывать снег вокруг дерева, другой приготовил ружье. Уже остался небольшой нетронутый участок, как вдруг в снежных брызгах молнией мелькнул быстрый зверек и бросился в сторону. Выстрел остановил его стремительный бег.

Над лесом вставало позднее зимнее солнце...

СНИМОК, КОТОРЫЙ НЕ СОСТОЯЛСЯ

Шорох. Я замер с занесенной для шага ногой. Между кочками, покрытыми бурой прошлогодней осокой, что-то ползет. Длинная шея высунулась из-за кочки... Утка, вот это кто. Кряква. И хитрющая же. Ну, меня не проведешь. Ползет, прячется, а где-нибудь в стороне вспорхнет и улетит. Значит, от гнезда отводит, оно где-то близко.

Я осторожно осмотрелся. Так и есть. Рядом, на небольшой кочке, в углублении — гнездо, заботливо выстланное пером. В нем мало приметные, утонувшие в мягком и теплом пуху голубоватые яйца — целых двенадцать штук. Не прикоснувшись к ним, я отошел в сторону. Тронешь — мать может бросить яйца.

Утка отползла на некоторое расстояние, вспорхнула и опустилась на воду тут же, недалеко от меня.

Очень хотелось мне сфотографировать ее на гнезде. В то время никаких приставок для аппаратов не выпускали и для снимка нужно было подходить близко, а это иногда не просто сделать.

Попробую отойти, будто совсем ухожу и гнезда не замечаю. Удалось. Утка еще поплавала, успокоилась. Враг ушел. Подлетела к гнезду. Села... А я стал со всеми предосторожностями приближаться. Место было открытое, и последние два десятка шагов я, чуть дыша, полз на животе, останавливаясь и замирая. Удача! Утка и не смотрит в мою сторону.

Я перевел дыхание, приподнял голову и... обомлел — в осоке чуть шевелится что-то рыжее: кумушка лиса! И охотимся мы с ней за одной дичью. Она тоже ползет к моей утке, с другой стороны, да так увлеклась, что меня не замечает. Ползет бесшумно, морду между передними лапами держит, желтые с узкими зрачками глаза с утки не сводит. Вот-вот прыгнет! Мне от этих глаз не по себе стало. Позабыл я и о фотоаппарате и о снимке.

Плохо дело, надо утку спасать.

Я приподнялся, и наши взгляды встретились. Лиса от удивления растерялась, плотнее прижалась к земле, затаилась и вдруг не выдержала: сморщила верхнюю губу — так и сверкнули белые острые зубы — и угрожающе зарычала, точь-в-точь обозленная собака. Добыча-то ведь какая лакомая. Но тут же спохватилась, села на задние лапы, с безразличным видом несколько раз облизнулась ярким красным языком и на меня уставилась. Может быть, надеялась кумушка, что я просто так ползу, гнезда не заметил, поползаю да и уйду...

Так мы с ней и смотрели друг на друга. А между нами в нескольких шагах — утка. Обалдела, что ли, от страха — не улетает. Смотрит то на меня, то на лису. Однако на лисе взгляд останавливается дольше, видно, ее острых зубов бедная опасалась больше.

Что-то нужно было придумать, ведь теперь лиса не откажется от добычи.

Я поднялся на ноги. Встала нехотя и лиса, следя за каждым моим движением. Я замахнулся на нее, попытался отогнать от гнезда. Не тут-то было. Отскочила, оскалилась — моя, моя добыча! Поднял хворостину, замахнулся — отскочила подальше и опять стоит. Кружит голову утиный запах.

Пошарил я в карманах, вынул все, что в них было: ключ, носовой платок, расческу — и положил около гнезда. Мало. Решил сбегать домой за чем-либо более существенным. Вспомнил, как говорил отец: лиса особенно боится незнакомых запахов. Если около норы положить стреляную гильзу, лиса никогда не подойдет к норе, бросит ее.

Домой и назад — расстояние немалое. Запыхался, помнились мне желтые лисьи глаза. Добежал. Лисицы нет, утка на гнезде цела.

Я так обрадовался — всю усталость как рукой сняло. Вытащил из кармана стреляные гильзы, все, какие дома нашлись, и разбросал их вокруг гнезда, осторожно, чтобы утку не потревожить.

Ну вот, теперь утка не попадет на завтрак лисе, спокойно выведет свое пушистое потомство и уплывет с ним на озеро.

Так и не прибавилось у меня новой фотографии, но я об этом не жалею.

И ПРО КУКУШКУ МЫ ЕЩЕ НЕ ВСЕ УЗНАЛИ

Все знают, что кукушка подкладывает яйца в гнезда других птиц, сама яйца не высиживает и не кормит своих птенцов.

Дело было в июне. Я порядочно устал ходить по лесу и присел у озера отдохнуть. Тихо. Лес замер. Только на полянке, за спиной у меня, стрекочут неугомонные кузнечики. Вижу, не спеша летит над озером кукушка. Ближе, ближе, села на ветку, а в клюве держит яйцо. Вот, решил я, опять подбросит свое яйцо какой-нибудь зазевавшейся мамаше, а та будет, выбиваясь из сил, выкармливать ее прожорливое потомство.

Но что это? Кукушка устроилась недалеко, на дереве и крутит головой, делает глотательные движения, старается проглотить яйцо. Наконец скорлупка его лопнула. Птица выпила содержимое, скорлупа полетела вниз.

Пока я удивлялся, кукушка вспорхнула, покружилась над поляной, пересекла ее и скрылась в кустах.

Чье же яичко она выпила? Надо скорлупки разыскать.

Долго я шарил в густой траве. Наконец нашел. Ах вон в чем дело! Заботливая мамаша подкинула свое яичко в гнездо маленькой птички — садовой славки. Чтобы в гнезде счетом яиц не оказалось больше, чем было, кукушка обычно яичко хозяйки выбрасывает. А такого — чтобы она еще таким яичком и позавтракала — я, старый лесовик, не знал. Сколько же в лесу и в поле можно увидеть интересного, нового, если у вас будут ушки на макушке и глаза настороже!

СИНИЦА

Осенним утром в палисаднике слышалось звонкое, мелодичное: тинь... тинь... тинь... Это синицы. Лето они прожили в лесу, вывели птенцов, а теперь перебираются всем семейством поближе к человеческому жилью. Под защитой человека проще прокормиться и укрыться в длинную суровую пору.

Из окна наблюдаю за одной синичкой. Она деловито осматривает ветку за веткой, крону старой яблони. Иногда, повиснув вниз головой на сучке, покосится на кормушку или нет-нет заглянет через стекло в комнату. Нарядная пичуга щеголяет в черной шапочке, желтой манишке с галстуком и темной жилетке. Темные глаза-бусинки смотрят внимательно и озорно. Она как будто спрашивает: — Посмотрим, посмотрим, что ты приготовил мне сегодня на завтрак? — Мы с ней знакомы давно, а между друзьями можно и на ты.

Появление синиц около жилья — самая верная примета приближения холодов. В Сибири их еще называют мясничками за то, что они любят кормиться на шкурах, подбирая мороженые крошки мяса и сала.

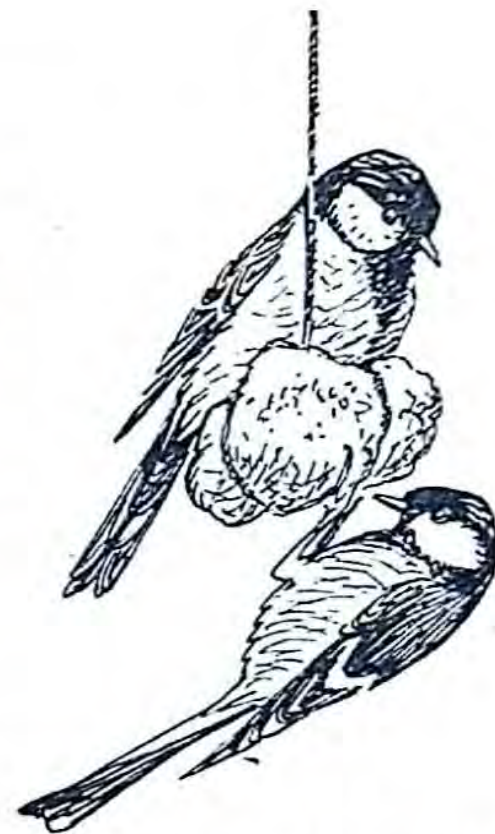
В мороз воробьи, галки, вороны нахохлятся, распушатся и сидят неподвижно на ветках, подобрав под себя лапки. Боятся шелохнуться. Слой воздуха между перышками, точно шубка, сохраняет тепло крошечного тела. А синица всегда в движении. Ее тонкий, как шильце, клюв из любой щелки, трещины в коре вытаскивает спрятанные яйца, а где и куколку вредного насекомого, недоступные для других птиц.

Лесники и садоводы знают: синица им первый друг, недаром они строят на своих участках домики-синичники и подкармливают птиц зимой.

Многочисленная семейка синиц вскоре куда-то разлетелась, и только одна из них, моя знакомая, продолжает ежедневно утрами посещать кормушку, выставленную за окном.

Зимой синица не поет, много у нее забот, надо выжить и дождаться тепла.

А лишь только отступят холода и осядут под напором ветра и солнечных лучей сугробы, пропоет синица радостную весеннюю песню и опять в лес — до осени.

КУЗЯ

Давно это было. Жил у нас с братом Пашей в комнате бурундук. Забавный зверушка. Шустрый, проворный, с большим пушистым хвостиком, почти как у белки. Шубка нарядная, светло-коричневая, с темными продольными полосами по спине. Особенно много бурундуков в лесах Сибири. Они любят лакомиться кедровыми орехами. Осенью бурундуки делают на зиму запасы, тащат отборные орешки в защечных мешках в свои кладовые, под корни деревьев и старых пней.

Защечные мешки сильно раздуваются, и бурундук становится похожим на маленького озабоченного человечка с большими зубами и большими флюсами. Но вот притащил запасы в норку, высыпал их и опять превратился в подвижного зверька с плутоватой острой мордочкой и любопытными глазками.

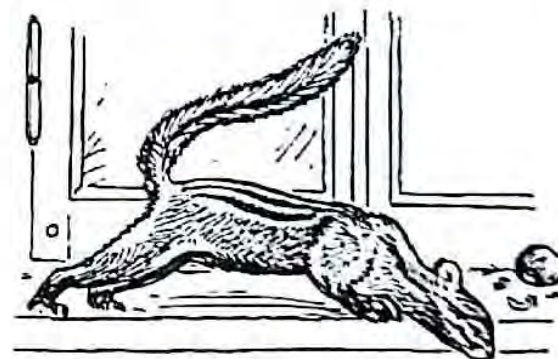
Сигнал тревоги бурундуки друг другу подают свистом. Поймать бурундука не трудно, подводит его врожденное любопытство. Услышит шаги и непременно выглянет из норки или дупла и наблюдает, а потом и совсем осмелеет: поднимется на сук или деревце и следит за каждым движением пришельца, подергивая хвостиком и посвистывая. Если тот не шевелится, бурундук, не выдержав, начнет спускаться пониже. Тут уж его не трудно поймать петлей на длинном пруте.

Так мы поймали нашего бурундука и назвали Кузей. Это имя как-то сразу подошло к его плутоватой мордочке. Кузя быстро со всеми перезнакомился и, подобно коту Степке, сделался членом нашей семьи.

Степка, правда, первое время косился на него круглым зеленым глазом и оглядывался — не следим ли мы за ним, но бурундук, не зная страха, смело подбегал к коту. Когда кот немного привык к полосатому зверю, Кузя стал даже взбираться на него. Вначале мы опасались за Кузю и следили за поведением кота, но раз застали на спящем Степке отдыхающего бурундука и успокоились. Так в полной дружбе и согласии прошли весна и лето.

Кузя вставал рано, излюбленное место у него было на подоконнике. В окно в это время заглядывало солнце. Кузя садился на задние лапки, а передними умывался, расправлял усы и расчесывал свою шубку. Покончив с туалетом, он приступал к завтраку, не отказываясь от сухарей, ягод, грибов, орехов. Остатки завтрака набивал в защечные мешки и уносил, прятал на черный день.

Кузя быстро запомнил свое имя и сразу появлялся на зов. Если в доме был кто-то чужой, он вел себя, как его сородичи в тайге: раздавался короткий свист, и Кузя моментально исчезал где-нибудь под кроватью.

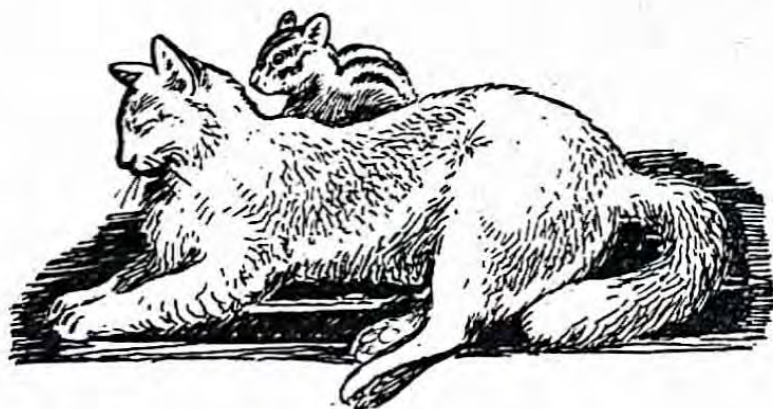
Но вскоре любопытство пересиливало: из-под кровати высовывалась плутоватая мордочка с задорными блестящими черными глазками. Через некоторое время вылезал весь зверек, неотступно следящий за поведением нового человека.

Раньше мы держали белку, но она быстро всем надоела: грызла мебель, за ней приходилось много убирать, а с Кузей не было никаких хлопот и забот. Даже общий любимец Степка отступил на задний план и, как видно, глубоко затаил обиду.

Однажды Кузя исчез. Мы его искали по всей комнате, во дворе. Тщетно. Прошел день, другой. Кузя не появлялся. Уж в который раз я стал просматривать все укромные места в комнате, где бы он мог спрятаться. И вдруг за шкафом заметил кончик хвоста. Радостно потянул я за него, приговаривая:—Вот ты где спрятался, плутишка! — Но... вытащил только пушистый Кузин хвостик.

С тех пор мы долго не могли спокойно смотреть на Степку, и он чувствовал к себе неприязнь, старался меньше попадаться на глаза.

Грустно кончилась Кузина дружба с котом.

КАК СУРКИ САБАНТУЙ ПРАЗДНУЮТ

Спросите любого мальчика или девочку:

— Знаешь ты слона?

— Конечно, знаю.— И правда знает, даже много про слона рассказать может.

— А тигра знаешь? А про льва рассказать можешь?

— Кто же их не знает?

Даже смешно слушать.

А вот и не смешно. Потому что часто очужих зверях, обитателях дальних стран и лесов, мы знаем, точно век с ними жили. А вот своих, которые рядом с нами живут, даже и не видали.

Вот так-то. Знаете вы, например, сурка?

Конечно, нет. А сурки и у нас, в Татарии, водятся. И очень интересные зверьки, хоть и не со слона ростом, а, скажем, с очень большую кошку. Это родственники белки. Только вовсе на белку не похожи. На дерево сурку не залезть, а ему и не нужно: он в земле нору выкопает и доволен. И живет не в одиночку, а целыми колониями — вместе веселее. В Лениногорском районе у нас в Татарии по оврагам так много нор, что место это объявили заказником. Значит охотиться, убивать безобидных зверьков там нельзя. А познакомиться, посмотреть, как они живут, — пожалуйста. Только не думайте, что это легко. Вылезли из нор сурки, травку щиплют, на задних лапках сидят или просто на солнышке греются, а один дыбком как столбик стоит, всю компанию сторожит. Чуть что тревожное заметит, свистнет, и сурков как не бывало: прямо в норку головой нырк — и поди их возьми.

Только сурки хитры, и я не прост. Подобрался ползком к компании и что же увидел?

Взрослые и молодые сурки сидят на задних лапах около нор полукругом и глаз не сводят с двух сурков, находящихся в центре. А те медленно сходятся, неуклюже переваливаясь на задних лапах. Сошлись вплотную, обхватили друг друга передними лапами, как настоящие батыры, и начали бороться. Каждая удачная попытка того или другого борца вызывала у окружающих их «зрителей» живейший интерес, даже попискивали тихонько.

Но вот борцы, видимо, устали, по силе и ловкости они не уступали друг другу. Выпустив друг друга из объятий, степенно переваливаясь с боку на бок, разошлись в свои углы. Отдохнув и «отрегулировав дыхание», борцы сошлись опять, и так повторилось несколько раз. Ни один из них не был повален на землю.

Борьба велась честно, без подножек. Партнеры не рычали, не пускали в ход свои острые зубы-резцы. Победить должен был сильнейший, и борьба продолжалась...

Но тут отвлекшийся борьбой дозорный встрепнулся, заметил меня, отрывисто свистнул — и все сбо-

рище сурков моментально попряталось в норы. Лужайка опустела. Так и не пришлось мне досмотреть до конца «соревнование».

Хозяева хаты, в которой я остался ночевать, надоевшей посмеялись. Видно, говорят, и ученые не все знают. А мы часто потихоньку к суркам подбираемся: уж очень интересно поглядеть. Мы так и говорим: сурки сабантуй празднуют.

ВÓРОН И ГРАЧИ

Иду как-то по лесу и слышу: грачи подняли отчаянный крик. Сбились плотной стаей, то взлетают, то опускаются на землю. Приглядевшись, я заметил в центре более крупную черную птицу, она отбивалась от слишком близко подлетающих к ней грачей. Это был ворон, лапой он прижимал к земле грачонок.

Так вот оно что! Вóрон поймал слабенького птенца, а грачи всей стаей заступились за него. Вóрон хоть и сильная птица, но грачей много, а он один.

Грачонок жалобно попискивал, и это приводило в еще больший азарт всю стаю, беспрестанно атакующую крылатого разбойника. Бесчисленные удары крыльями и клювами обессилили вóрона, и он, отбиваясь, поглядывал, не появится ли помощь. Вóроны не стайные птицы и всю жизнь живут парами. Но на горизонте нигде не видно верной подруги. А вдвоем бы им была не страшна любая стая грачей. Эти сильные и хитрые птицы вдвоем легко и быстро справляются в поле со взрослым зайцем-русаком.

Вóрон уже готов был бросить борьбу. Достаточно еще небольшого усилия — и грачонок был бы спасен. Но грачи, видимо, утомленные схваткой, вдруг разлетелись, и вскоре перед вóроном остались только родители-маленького птенца.

Вóрон сразу ожил, две птицы ему не страшны. Он сделал попытку подтащить грачонка ближе к кусту боярышника и там с ним разделаться под прикрытием ветвей. Но родители из последних сил преградили ему дорогу, самоотверженно бросаясь на врага и увертываясь от ударов его клюва. Перевес силы теперь явно на стороне вóрона, и судьбу грачонка решали какие-то секунды. Дальше медлить было нельзя. Я кинулся из укрытия на выручку, громко крича и размахивая руками.

Вóрон сделал попытку подняться с грачонком в воздух, но для этого после сражения со стаей не хватило сил. Серdito крикнув «кра-а, кра-а», он выпустил свою жертву и улетел.

Я поднял измученного малыша, обрызгал водой из ручья и положил под куст. Взрослые птицы встревоженно следили за каждым моим движением, перелетая с места на место. Как только я отошел, они подлетели к птенцу и, убедившись в том, что он невредим, успокоились и перестали громко кричать. В моей помощи они больше не нуждались, и я оставил их одних.

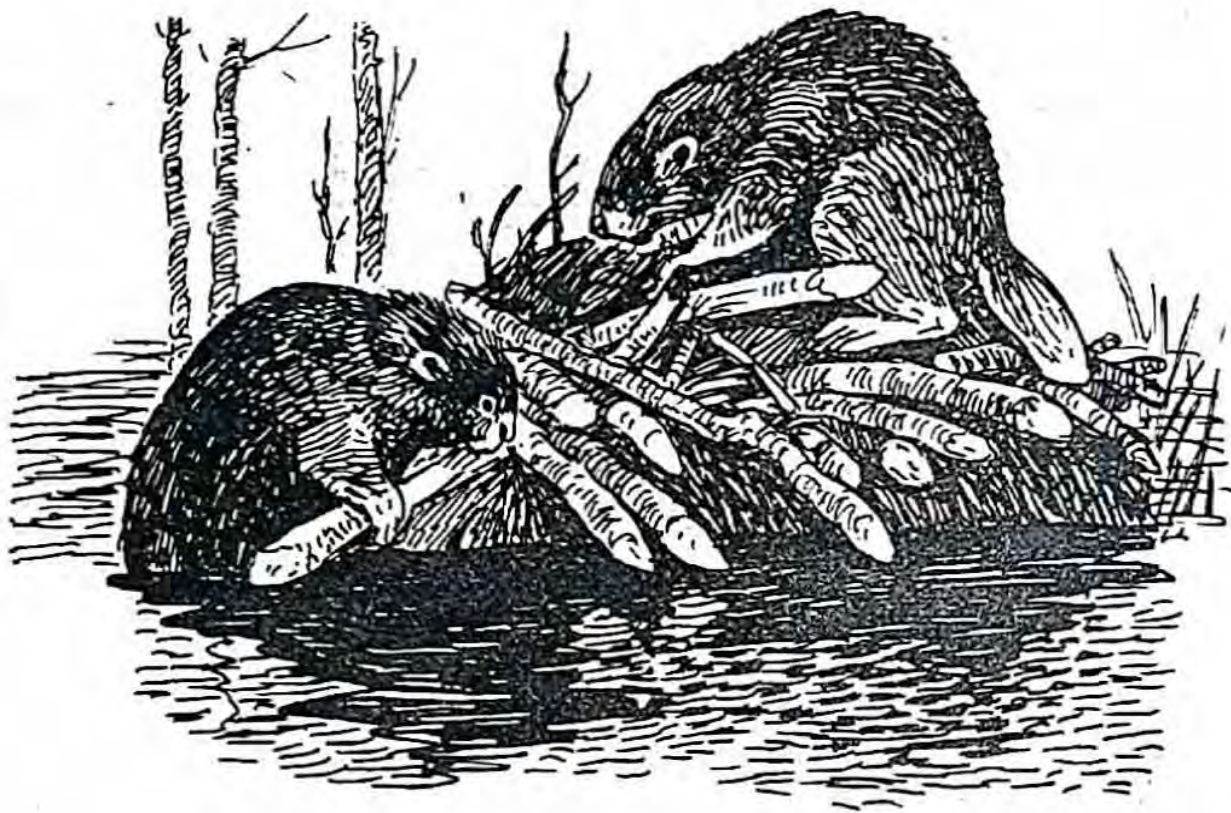

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЗВЕРИ

Когда-то бобры водились в нашей стране чуть ли не всюду, где был лес и подходящая речка или озеро. Но на беду бобровое мясо вкусное, а главное — у бобров красивая и теплая шкурка. И потому за ними усердно охотились, начиная с далеких времен. При раскопках селений древних людей находят кости животных, на которых они охотились, и среди них чуть не половина костей — бобровые. Удобно: мясо съесть, шкурой накрыться. А убить бобра много легче, чем дикую лошадь или оленя.

Лет 60 тому назад бобры почти везде исчезли. Хорошо, что за них вовремя вступились: охоту на бобров запретили. Теперь их ловят и разводят в местах, где они когда-то жили. Прижились они и в Татарии на речке Черемшан, на островах реки Камы и в других местах.

Бобры — хозяева удивительные. Хатку строят из палок, скрепленных липким илом, который они берут со дна водоема. Вход в такую хижину — под водой, чтобы

враги не могли в дом пробраться. Размеры хижины бывают довольно внушительные. На озере Каромышево при учете бобров мы натолкнулись на постройку, которая была величиной со средний стожок сена (высотой более двух метров). Много там было и других сооружений трудолюбивой бобровой семьи в виде каналов, тоннелей и плотин. Если бобрам покажется, что воды в речке мало, они перегородят ее плотиной и поднимут воду до нужного уровня, точно люди.

Острыми зубами бобры грызут деревья, валят их, разгрызают на части и тащат к месту, где будет строиться плотина. Иногда бобр плывет на бревешке, а хвостом правит, куда нужно. Глина, ветки, палки — все идет в дело. Плотины бобры строят так прочно, что по ней и человек может свободно пройти. Передние лапки действуют у них как ловкие руки.

За лето они починят свои хатки или норы, наладят плотины, а в сентябре начинают заготавливать на зиму корм. Бобры — грызуны, родственники крысам и мышам. Но представьте себе такую крысу весом в полтора, а то и в два пуда. Ее и поднять трудно. И не сове-

тую пробовать: осину в тридцать сантиметров толщиной бобр перегрызает за десять минут, а перекусить руку человека ему и совсем не трудно. Но бобр — мирный зверь. Вы его не тронете, и он вас не тронет. Он не хищник, как крыса, ему мясо не нравится. Он ест траву, мелкие веточки и кору деревьев. Больше всего любит осину и иву. С осени бобры повалят деревья, перережут их на куски и затопят в реке — воткнут под водой в берег концами, чтобы не всплыли и не вмерзли в лед. Вот и корм на зиму. В теплой хатке уютно и чисто: у каждого бобра своя постелька, устланная древесной стружкой, специально для этого заготовленной. Проголодаются зимой — нырнут под лед и наташат в хату веток, бревешек. Кору с бревешек съедят, а чистое дерево пойдет на укрепление домиков и плотин.

По силе зубов бобр и волку не уступит. Но ловкости и быстроты на земле ему не хватает. Беда, если волк его на берегу подстережет — загрызет. Не надо бы им из воды и выходить. Но как же с запасами? Ведь в воде деревья не растут. Бобры режут сначала все деревья на берегу у самой воды. Но их не хватает. С каждым месяцем приходится за кормом отходить все дальше от воды, в которой бобр так ловко плавает. А на суше волк, рысь, одичавшие собаки стерегут неповоротливого великана.

Что же делают бобры? Возьмут и прокопают канал от реки, к деревьям. А потом плывут по нему спокойно, куда нужно. Дерево у самого канала свалят, разрежут и сплавляют его по воде до самого дома.

Маленькие бобрята родятся в апреле — мае, шустрые, в шерстке, с открытыми глазами, через два дня и плавать могут. Но вот беда: малыш такой легкий, что нырнуть не может, вода его как пробку наверх выкидывает. Он голову вниз опустит, а спина и хвост — наверху. Тут его какая-нибудь хищная птица подхватить норовит. А снизу крупная щука, жерех или сом проглотить могут. Малыш-то и весит всего граммов шестьсот. Поэтому мать детенышей из хатки не выпускает, пока не подрастут. Сама выйдет, а выход крепко забьет, чтобы озорники за ней не выбрались.

Одному наблюдателю удалось подсмотреть, как пара малышей сумела выскочить за матерью. Как видите, и бобрята иногда не слушаются. Мать тотчас же осторожно взяла одного поперек тельца и нырнула с ним в хату. Потом утащила и другого. Из хатки некоторое время был слышен недовольный писк и ласковый голос матери, пока наконец бобрята покорились и затихли.

Летом они уже весело плавают и ныряют, но на берег для заготовки корма еще не ходят. Кроме них в общей хатке живут прошлогодние бобрята-годовички. Двухгодовалые, родившиеся в позапрошлом году, зимуют с родителями вместе. Но весной, когда лед растает и становится тепло, старики отправляют взрослых детей в самостоятельную жизнь. Детям это не очень нравится. Иногда старому бобру приходится и трепку задать ленивому сынку, чтобы тот принялся строить себе собственную хату.

Мех бобров чудесный, но вид зверя портят спереди огромные желтые зубы-резцы, а сзади голый хвост. Хвостом бобр крепко приколачивает глину и ветки на плотине, звонкий удар хвоста по воде — сигнал опасности для всей семьи, а страшные зубы, как воск, режут толстые деревья. Удобно, но красоты это ему

не прибавляет. И все-таки бобры — симпатичные звери. Стоит посмотреть, как дружно и мирно они работают для общего блага, как кормят и учат детей, как уютно отдыхают вместе на берегу и тихо о чем-то переговариваются. Жилище бобра всегда чисто и в полном порядке. И сам он, выходя из воды, сначала сядет на задние лапы, тщательно расчешет, пригладит волосы на всем теле и только после этого отправляется на кормежку.

На примере бобров видно, как в нашей стране закон берет под защиту богатства природы, которые раньше так необдуманно, так жестоко истреблялись. Но и теперь, к сожалению, находятся люди, которые могут и лосенка подстрелить, и бобра, рыбу ловят в запрещенное время и запрещенными снастями. Однако на защиту леса, зверей и птиц стало не только государство. Зеленые патрули школьников следят за браконьерами, тысячи молодых зорких глаз видят все, что делается вокруг. Зеленые патрулята всегда начеку. И браконьера, лесного грабителя, они обязательно обнаружат. Молодцы! Так и надо. Природа — наше богатство и наша радость. Берегите ее!

СОДЕРЖАНИЕ

Куница-воспитательница	3
Материнская любовь	5
Ворона урока не доучила	7
Как зайца глаза и уши обманули	8
Хозяин косогора	10
Лесная грамота	12
Снимок, который не состоялся.	14
И про кукушку мы еще не все узнали	17
Синица	18
Кузя	20
Как сурки сабантуй празднуют	23
Ворон и грачи	25
Удивительные звери	27

Гребнев Николай Николаевич

НАШИ МЕНЬШИЕ БРАТЯ

Рассказы

Редактор Л. Н. Жаркова. Художественный редактор Г. Е. Трифонов. Технический редактор Ф. Х. Абдрахманова. Корректор В. П. Лащенкова.

Сдано в набор 25/X-1974 г. Подписано к печати 13/II-1975 г. Ву-мага типографская № 3. 60×90^{1/16}. Учетн.-изд. листов 1,72. Печат-ных листов 2,0. Заказ П-1062. Тираж 200 000. Цена 7 коп.

Татарское книжное издательство. Казань, ул. Баумана, 19. Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров ТАССР. Казань, ул. Баумана, 19.

7 коп.

